Н.В. КОЛЕСНИК

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭЛИТА КРЫМА ПОСЛЕ 2014 г.

КОЛЕСНИК Наталья Владимировна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия (n.kolesnik@socinst.ru).

Аннотация. Анализируется функционирование региональной элиты новых российских территорий на примере Крыма после 2014 г. В фокусе исследования – биографический анализ характеристик 124-х руководителей крупных экономических структур Крыма и 150 депутатов крымского парламента двух созывов. Анализ показал, что экономический сегмент крымской элиты после интеграции в РФ частично обновился, при этом в среде владельцев экономических активов, руководстве государственно-унитарных компаний происходят более динамичные обновления, нежели в иных сегментах экономической элиты. В то же время рекрутирование на высшие позиции в крымских компаниях чаще всего осуществляется на закрытых основаниях, когда происходит перемещение с одной управленческой позиции на другую. Пик новых назначений/избраний на высокие позиции в региональных бизнес-компаниях приходится на 2015–2016 гг., вскоре после интегрирования Крыма в РФ. Анализ форм взаимодействия экономической и политической элиты показал, что внутри депутатского корпуса двух созывов (2014 и 2019 гг.) представители экономической элиты занимали более половины мест, что усиливает элитную интеграцию внутри региона.

Ключевые слова: постукраинский Крым • крымская элита • экономическая и политическая элита • элитная интеграция

DOI: 10.31857/S013216250027777-7

Когда в Крыму в 2014 г. был проведен референдум, по итогам которого украинский полуостров вошел в состав Российской Федерации, то изменение государственного статуса региона неизбежно повлекло персональное обновление в составе региональной элиты в экономической, политической и административной сферах. Для прояснения и понимания механизма трансформации крымской политики и экономики в контексте исследования элиты следует учитывать дискуссии в научной литературе, в которых проявились три направления.

Первое исследовательское направление представлено работами, авторы которых анализируют международный опыт присоединения территорий к другому государству и изменение внутреннего состава элитных общностей в связи с трансформацией государственного статуса. В этой связи видится актуальным, прежде всего, пример Германии после объединения ГДР и ФРГ (1989), когда наблюдалась «полная элитная трансформация»: политическая и административная элита Восточной Германии обновилась в своих социальных характеристиках по принципу «полного элитного замещения» [Хоффман-Ланге, 1996: 54–55]. Глубокая чистка внутри восточногерманской элиты предотвратила возвращение к власти представителей коммунистической номенклатуры [Матков, 2011: 270].

Второе исследовательское направление по изучаемой проблематике связано с работами, в которых рассматривается элитогенез на постсоветском пространстве и в республиках бывшего СССР, особенно роль украинской политической и экономической элиты. Доминирующими характеристиками украинской элиты до 2014 г., согласно эмпирическим исследованиям, оказываются фрагментированность, разрозненность, укорененность, сплоченность отдельных сегментов (в том числе и по клановому признаку). Как отмечает Е.П. Цыплакова, социальной основой для формирования украинских кланов в 1990–2000-х гг. были «местничество» (горизонтальная интеграция) и «ведомственность»

(отраслевая вертикаль) [Цыплакова, 2009: 340]. В исследованиях об экономической элите Украины в постсоветский период подчеркивается отчасти номенклатурный, отчасти криминальный характер этой элиты и ее значимая роль в процессе принятия решений на уровне государства [Шульга, 2006: 30]. Среди важных способов взаимодействия экономической и политической элит исследователи различают такие формы, как обретение крупным бизнесом депутатских мандатов и высоких должностей в правительстве, прямую финансовую поддержку политических структур. Что касается позиций крымской элиты, то для нее была характерна высокая степень влияния и обеспокоенность Киева усилением этого влияния [Зоткин, 2004: 97–104].

Третье направление связано с научными работами, посвященными интеграции Крыма в состав РФ в 2014 г. Поиск публикаций о постукраинской трансформации крымской элиты показал, что подобные исследования носят чаще всего маргинальный характер. Лишь единичные исследовательские проекты посвящены изучению институционализации сити-менеджмента муниципального управления в Крыму [Дятлов, Ковалев, 2021], анализу карьерных траекторий административной элиты Севастополя [Быстрова, 2019], гендерным различиям в депутатском корпусе парламентов Юга России [Козлова, 2021] и др. Комплексные исследования характеристик экономической элиты в постукраинский период практически отсутствуют.

В данной работе основной исследовательский фокус будет направлен на анализ экономической элиты Крыма после изменения правового статуса полуострова, что позволит выявить общее и различное в практиках региональных элит в современной России, определить специфику регионального элитогенеза. Основной гипотезой исследования является предположение, что интеграция Крыма в российское государство в 2014 г. способствовала радикальному обновлению состава экономической элиты нового региона. Такая гипотеза обусловлена, прежде всего, тем, что процесс формирования крупного капитала на Украине после распада СССР проходил при более активном участии представителей административной и политической элиты, чем в России, поэтому при радикальном изменении политической принадлежности Крыма следовало бы ожидать качественного обновления и его бизнес-элиты.

Дизайн исследования. До сих пор четко не сформулированы методические критерии определения «экономической элиты» [Колесник, 2008]. В частности, М. Юсим считает, что при анализе властных практик в современной корпорации нужно различать три типа позиций, обеспечивающих возможности для определяющего влияния: 1) владение значительной долей корпоративных акций, 2) членство в совете директоров и (или) 3) пребывание в должности высшего менеджера [Useem, 1980: 41–42; 1979].

Основным источником информации для отбора крупнейших компаний в регионе стали деловые издания («Эксперт», «Эксперт Юг», «Форбс» на Украине, «Форбс» в России)¹, сайты компаний Крыма, на которых размещена информация о персонах, занимающих ключевые позиции в экономической институции, официальные сайты правительства Республики Крым, министерств и общественных организаций. На первом этапе эмпирического исследования отобрано 60 крупных крымских компаний (включая находящиеся в 2023 г. в состоянии банкротства, реновации, национализации), которые до 2021 г. находились в списке крупнейших компаний.

¹ Топ-20 крупнейших налогоплательщиков Крыма // Информер. 2022. 16 февраля. URL: <https://ruinformer.com/page/top-20-krupnejshih-nalogopatelshhikov-kryma>; Ренкинг динамичных компаний Юга России // Эксперт Юг. 2020. URL: <https://expertsouth.ru/articles/stali-izvestny-samyebystrorastushchie-kompanii-kryma/>; Десять самых быстроразвивающихся компаний Крыма // Эксперт Юг. 2019. URL: <https://expertsouth.ru/articles/stali-izvestny-samyebystrorastushchie-kompanii-kryma/>; 250 крупнейших компаний ЮФО по объему реализованной продукции в 2020 // Эксперт Юг. 2021. № 9. URL: https://expertsouth.ru/ratings/krupnejshie-kompanii/250-krupnejshikh-kompaniy-yufo-po-obyemu-realizovannoy-produktsii-v-2020-godu_1/ (дата обращения: 18.10.2021).

Вторым важным методическим шагом являлся отбор и формирование пула (персонального состава) крымской экономической элиты. Для идентификации элиты использовался позиционный подход, который соотнесен прежде всего с формальной структурой власти [Hoffmann-Lange, 2006]. Этот подход получил широкое распространение среди исследователей европейской элиты [Gulbrandsen, 2002; Hoffman-Lange, 2006; Ruostetsaari, 2007; Larsen, 2015]. Согласно позиционному подходу, в экономическую элиту были включены руководители и владельцы крупнейших компаний, председатели и члены советов директоров – всего 124 позиции: 70% – руководители компаний и их заместители, 10% – члены совета директоров, 20% – владельцы компаний. Основным методом исследования стал биографический метод – обобщение биографических сведений об экономической элите Крыма, а также выявление структурных характеристик экономической элиты в региональном парламенте двух созывов (среди в совокупности 150-ти депутатов).

В то же время при сборе эмпирических данных об экономической элите Крыма часто приходится сталкиваться с ограниченностью биографических сведений, что затрудняло анализ таких типовых социальных переменных, как возраст, место рождения, семейное положение, особенности профессиональной карьеры. Поскольку официальные биографические данные по изучаемым персонам не обладают полнотой, на данном этапе исследования можно определить лишь основные тенденции элитообразования Крыма.

Основные характеристики экономики Крыма. К началу 2000-х гг. были сформированы те основные контуры экономики Крыма, которые сохранились до 2014 г., а отчасти и до настоящего времени. Как в прошлом, так и сейчас Крым является центром военного приборостроения и судостроения, химической и пищевой промышленности. Что же касается предприятий оборонно-промышленного комплекса, который существовал в украинский период, то в условиях отсутствия конверсии этот пул практически самоликвидирован. Первые позиции в экономике полуострова в 2021 г. были закреплены за предприятиями оптовой и розничной торговли (49%), пищевой (11%) и строительной (10%) промышленности².

В ходе исследования выделены следующие основные формы трансформации крымских предприятий после 2014 г.: национализация, приватизация, банкротство, заморозка активов с последующей продажей или передачей в региональную собственность и др. Особый интерес с точки зрения трансформации собственности представляет не только национализация активов, но и процесс сохранения активов украинского бизнеса после 2014 г., переход украинских крымских компаний в аренду/владение региональных российских компаний.

Второй этап в трансформации крымской собственности начинается с 2017 г., когда происходит приватизация крупнейших компаний полуострова. Если в 2014 г. национализация предприятий носила скорей формальный характер, когда украинские государственные активы и собственность части украинских олигархов были переданы под российскую юрисдикцию, то позже в собственность региона стали переходить частные активы не только крупного, но и среднего бизнеса. До 2019 г. в РК функционировали компании (например, управляющая компания «Парангон»), аффилированные с прежними собственниками³. Новый этап трансформации украинской собственности в Крыму начался в феврале 2023 г., когда согласно решению Госсовета РК национализированы активы около 500 объектов (в том числе банки, земельные участки, заводы, комбинаты и пансионаты, принадлежащие украинским олигархам)⁴.

² Рассчитано на основе рейтингов крупнейших компаний Крыма. 100 крупнейших компаний Республики Крым и Севастополя // Эксперт Юг. 2021. URL: <https://expertsouth.ru/ratings/krupnejshie-kompanii/100-krupnejshikh-kompaniy-respubliki-krym-i-sevastopolya/> (дата обращения: 24.01.2022).

³ Офшорный след на крымском побережье // РБК. 26 марта 2019. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/03/26/5c94f4359a7947feadfea4f7> (дата обращения 25.12.2019).

⁴ В Крыму национализировали около 500 объектов имущества украинских олигархов // Взгляд. Деловая газета. 2023. 3 февраля. URL: <https://vz.ru/news/2023/2/3/1197771.html> (дата обращения 25.02.2023).

К числу предприятий, национализированных после 2014 г., относятся такие крупные отраслевые компании, как «Крымский Титан», судостроительный завод «Море», «Севастопольский морской завод». Национализация происходила в форме передачи предприятий в аренду другим компаниям, в собственность крымского и других российских регионов на основе долгосрочной аренды (49 лет). Согласно открытым данным, чаще всего крупные компании Крыма после 2014 г. переходили в долгосрочную аренду региональных и иных собственников, зарегистрированных в Москве, Санкт-Петербурге, Ленинградской области и Татарстане.

Основные характеристики экономической элиты Крыма. Проведенный анализ 124-х биографий представителей экономической элиты Крыма показывает, что в этом сегменте преобладают (65%) представители среднего возраста (49–55 лет). Если рассматривать персональный состав крымской экономической элиты по состоянию на 2021 г., то они образуют пул руководителей, который и после присоединения сохранил свои высокие статусные позиции на предприятиях. Так, директор по экономике «Крымского содового завода» занимал руководящие позиции с 1979 г. (более 40 лет), директор завода шампанских вин «Новый Свет» – более 30 лет, генеральный директор винного завода – 25 лет, директор комбината «Крым» – 18 лет.

Имеющиеся относительно полные данные о 12-ти крупнейших компаниях-винодельнях Крыма позволяют определить, что из 16-ти руководителей сохранили свои управленческие позиции 10 (директора, заместители директора). В новую экономическую элиту были рекрутированы представители министерской элиты Крыма, силовых структур, профессиональные виноделы из высшего менеджмента крымских компаний. Радикальное обновление произошло в пуле владельцев крупнейших виноделен Крыма и связано с трансформацией структуры собственности, когда часть этих компаний были преобразованы в частные, переданы в аренду, обанкрочены или национализированы. Новыми владельцами шести экономических структур по производству вина стали представители крупного российского капитала, выходец из силовых структур (одна компания), государство (одна компания), акционерное общество (одна компания). По другим компаниям сведения о владельцах носят неполный и противоречивый характер. В отдельных компаниях все же происходит интенсивное обновление в руководящем составе. Так, в одной крупной винодельческой компании Крыма за последние девять лет сменились четыре генеральных директора и столько же владельцев компании. В то же время новые владельцы компаний предпочитают рекрутировать на высшие управленческие позиции не новичков, а высокопрофессиональных виноделов, чей стаж работы в Крыму исчисляется десятилетиями.

Часть представителей крымской экономической элиты оказались на высших руководящих позициях еще в 2003–2006 гг. и по-прежнему их сохраняют. Есть и иная карьерная тенденция, когда руководители компаний после 2014 г. сохранили свои управленческие позиции, но спустя некоторое время смена руководителя компании все же произошла (например, так было в 2018 г. в компании «Крымский содовый завод» в связи с изменением собственника).

Самый распространенный период назначения/избрания на высокие экономические позиции в компаниях региона приходится на 2015–2016 гг., когда произошла интеграция Крыма в РФ. В большинстве случаев (83%) представители «новой» экономической элиты уже занимали высокие управленческие позиции в экономических институтах (предэлитные или элитные) и до вхождения Крыма в состав РФ. Поэтому основная гипотеза исследования о радикальном обновлении состава экономической элиты в Крыму после 2014 г. подтвердилась только частично.

Анализ биографических данных показал, что полного обновления внутри элитной экономической общности Республики Крым после 2014 г. не произошло, но существенные изменения произошли в пуле владельцев крупнейших компаний. Если же и происходило некоторое обновление в среде руководителей компаний, то чаще всего за счет замещения одной элитной позиции другой на основе горизонтального перемещения.

Например, директор или его заместитель переходили в другую компанию, сохраняя свои высокие позиции, или же заместитель директора перемещался на позицию директора в рамках той же компании.

Причины относительной стабильности бизнес-элиты. Объяснение того, что представители старой («до-российской») экономической элиты по-прежнему сохраняют свои позиции, связано в том числе и с силой номенклатурного капитала (когда определяющую роль в появлении компаний играли не частные, а государственные капиталы, открывшие в 1990-х безграничные возможности для узкой социальной прослойки). Произошло естественное старение руководителей крупных компаний, но традиционные механизмы по сохранению и воспроизводству активов (социальные сети, связи, родственные, семейные кланы и другие социальные каналы), действующие с 1990-х гг., по-прежнему успешно функционируют.

Ситуация в постукраинском Крыму отчасти повторяет общероссийскую ситуацию 1990-х гг., когда произошла кардинальная трансформация «социалистической» собственности, но представители «красного директората», партийной номенклатуры и его ближайшего окружения в большинстве случаев сохранили свои контрольные позиции на предприятиях. Известно, что в российской экономической элите в 1993 г. почти каждый четвертый имел в своей биографии номенклатурное прошлое, а к началу 2000-х – каждый третий [Kryshtanovskaya, White, 2003: 299–302].

Если обратиться к биографиям представителей экономической элиты Крыма, то заметно, что высшие позиции, например, в государственно-унитарных компаниях (ГУП) занимают, как правило, те, кто и в украинский период занимали руководящие позиции. Руководство большинства ГУП, созданных в результате национализации собственности после 2014 г., успешно конвертировало свои ресурсы в экономические институты и сохранило позиции в новых условиях.

Правда, в некоторых компаниях экономическая трансформация сопровождается радикальным обновлением в пуле директоров. Например, в ГУП «Крымтранс» споры о владении и управлении продолжаются до сих пор, с 2014 г. там сменилось девять руководителей компании (только в 2019 г. директор сменялся четырежды). В числе руководителей предприятия часто назначались выходцы из силовых структур. Биографический анализ данных по исследуемым компаниям последнего десятилетия показал, что нередко в карьерных траекториях руководителей наблюдаются случаи, когда директор ГУП уходит в отставку либо его арестовывают. Так, в АО «Международный аэропорт “Симферополь”» с 2016 г. сменилось три руководителя (причем в 2018 г. – два)⁵, в ГУП «Крымтранс» фиксируются отставки и аресты руководителей компании.

А. Зоткин, рассматривая проблемы интеграции Крыма после 2014 г., отмечает, что аналогичные процессы происходят в Крыму и в политической, и в административной сферах: «Властную вертикаль Крыма от республиканского до местного уровня регулярно сотрясают коррупционные скандалы, сопровождаемые заключением под стражу и вынесением судебных приговоров должностным лицам республиканского и местного уровня власти. Таким образом, крымские элиты оказались между “молотом” требований со стороны федерального центра и “наковальной” местных условий» [Зоткин, 2019: 11]. Но на фоне текучести административной и политической элит региона директорский корпус крупнейших предприятий Крыма представляет собой относительно закрытое социальное образование без активного притока персон извне. Лишь в отдельных сегментах экономической элиты (руководителей ГУП, собственников экономических активов) происходят активные процессы циркуляции и обновления.

В качестве эмпирического основания для количественного анализа трансформации крымской элиты после 2014 г. рассматривались места рождения представителей

⁵ См.: История смены руководителей АО «МА “Симферополь”». URL: https://www.find-org.com/chiefs/7968887_ao_ma_simferopol (дата обращения: 23.05.2022).

экономической элиты. Обнаружено, что представители как старой, так и новой экономической элиты Крыма чаще всего имеют местное происхождение. В биографиях представителей «старой» экономической элиты, чьи компании функционировали еще до 2014 г., местом рождения являются как украинские, так и российские города и села (Целиноградская область, Симферополь, Киев, Ялта, Ровно и др.). Но в большинстве случаев (64%) руководители крупных экономических институций родились в самом Крыму, выстраивая карьерные траектории по принципу «где родился, там и пригодился».

Другим социальным ресурсом для экономической элиты Крыма является образовательный капитал, включая вузовский диплом: 94% экономической элиты Крыма имеют высшее образование. Чаще всего руководители компаний обучались в отраслевых вузах (Днепропетровский химико-технологический институт, Севастопольское Черноморское высшее военно-морское училище им. П.С. Нахимова, Одесский институт пищевой промышленности и др.). 87% руководителей компаний имеют дипломы украинских вузов, больше половины представителей экономической элиты Крыма имеют несколько дипломов о высшем образовании, а четыре руководителя компаний защитили кандидатские диссертации.

Таким образом, как и в большинстве случаев с постсоветской элитой, по уровню образования элита Крыма представляет собой однородную гомогенную общность. При этом, в отличие от европейской экономической элиты, социализация экономической элиты РК (как и большинства постсоветской), в условиях отсутствия сложившейся единой системы элитарного образования, проходила не в эксклюзивных учебных заведениях [Hartmann, 2000].

Взаимодействие экономической и политической элит Крыма. Зарубежные и российские исследователи экономической и политической власти неоднократно обращались к проблеме взаимодействия власти и бизнеса в постсоветский период. Немецкий социолог М. Хартманн отмечает, что отчуждение между экономическими и политическими элитами является скорей исключением, а доминирует противоположная тенденция, когда функционируют устойчивые формы взаимодействия между экономической и политической элитами, усиливающие интеграцию и солидарность внутри элитного сообщества [ibid.].

Особую популярность при описании экономики распадающегося СССР имели теории «кронизма», «кланового капитализма», «капитализма для своих». Исследователи на примерах стран Азии и Латинской Америки показали ограниченность подобной модели капитализма в сравнении с либеральной [Tornell, 2002; Kang, 2002]. Сторонники теории кронизма в первую очередь обращают внимание на обмен ресурсами между элитными общностями для получения экономических и иных выгод. В подобных условиях государство обеспечивает не только неприкосновенность для избранных, но и укрепляет политический режим в условиях нестабильности [Haber et al., 2002: 25]. При «клановом капитализме» государство осуществляет тотальный контроль не только над государственными, но и над частными компаниями, которые включены в единую систему распределения государственных ресурсов.

Российский политолог О.В. Гаман-Голутвина одна из первых объяснила функционирование российской элиты именно клановым характером постсоветского капитализма, отметив, что кланы являются значимой формой бизнеса в стране [Гаман-Голутвина, 2002: 85]. Активный приход бизнеса в административную и политическую элиты на региональном уровне приходится, по мнению исследователей, еще на 1990-е гг. [Колесник, 2000; Туровский, 2005]. С тех пор представители бизнеса интенсивно рекрутировались и встраивались в региональные политические формальные и неформальные общности для укрепления своего влияния в регионе [Чирикова, Ледяев, 2021].

Анализ биографических данных по крымской элите показывает, что в регионе воспроизводится устойчивая связь между политической и экономической общностью. Значительная часть старой экономической элиты имели депутатские мандаты Верховной Рады, входили в экспертные советы при исполнительных органах власти, занимали высшие административные позиции. Из 75-ти депутатов крымского парламента первого созыва

(2014–2019) 39 депутатов имели прямое или косвенное отношение к экономической сфере: это – не только представители высшего менеджмента или владельцы крупного капитала, но и те, кто с ними аффилирован (включая родственников). Среди значимых персон крымской политической элиты – В. Константинов, председатель Государственного совета РК, возглавлявший крымский парламент до «крымской весны» и сохранивший экономические активы на полуострове после нее.

В Государственном совете Крыма первого созыва были представители как крупного, так и среднего бизнеса: руководители транспортных, сельскохозяйственных, торговых, строительных компаний, сферы туризма и т.д., либо персоны, аффилированные с ними. Из 75-ти депутатов первого созыва 42 сохранили свои позиции в парламенте второго созыва (с 2019 г. по настоящее время), укрепив преемственность политической элиты и еще более профессионализируя состав регионального парламента. Во втором созыве крымского парламента произошло увеличение представителей экономической элиты на шесть депутатов. 64% депутатов, представлявших экономическую элиту в крымском парламенте первого созыва, сохранили свои позиции и в парламенте второго созыва.

Российские исследователи, изучая масштабы, формы и последствия активного взаимодействия представителей властных и экономических структур, обращают внимание на то, что масштаб присутствия представителей бизнеса в политической власти РФ очень существенен в сравнении с европейскими законодательными органами власти. По данным Е. Семеновой, которая проанализировала профессиональный состав пяти созывов Государственной думы, более чем каждый третий (35%) депутат имел опыт работы в бизнесе [Semёnova, 2011]. Более того, в политическом сегменте федеральной элиты (среди депутатов) тех, кто имеет опыт работы в экономических структурах, больше (51%), чем в административном сегменте (31%) [Тев, 2018].

В экономической и политической элите Крыма заметен гендерный дисбаланс, который характерен для властных структур отнюдь не только исследуемого региона (см., например, [Useem, 1980: 41]). Отсутствует гендерное равенство в экономической элите и крымского региона, где только 13% руководящих позиций (управляющие, владельцы активов) заняты женщинами. Анализ биографических данных по политической элите РК, представленной депутатским корпусом, показывает, что женщины составляли лишь 1/5 часть парламента первого созыва (15 мандатов из 75). После выборов в парламента второго созыва (2019) произошло снижение доли женщин среди региональных парламентариев: лишь восемь женщин-депутатов сохранили свои позиции, пять из которых представляют экономическую элиту региона.

Чаще всего сохраняют свои позиции «статусные депутатки», которые и до обретения мандата депутата занимали высокие позиции в экономической, политической и административной структуре Крыма. Их профессиональные биографии оказываются типичными для женщин-депутатов и из других российских регионов: наблюдается горизонтальное перемещение с одной высокой позиции на другую, в том числе и с позиции руководителя компании (директор ГУП, директор пансионата, директор крупного промышленного предприятия, руководитель районной администрации и др.).

Заключение. Итак, проверка гипотезы о радикальном обновлении экономической элиты в новом российском регионе позволила выявить, что крымская экономическая элита представляет собой дифференцированное образование, в котором различаются механизмы рекрутирования в среде владельцев и управленцев крупных компаний. Высокую роль в процессе элитообразования играют отраслевая принадлежность, форма собственности компании и происхождение капитала.

В крымской экономике после 2014 г. наблюдается ситуация, когда процесс трансформации экономических структур еще не завершен, вступив в стадию институционального оформления системы (designstage) и «игры» по установлению формальных правил (gamestage) [Barro, Gordon, 1983]. Самый распространенный период назначения/избрания на высокие экономические позиции в региональных компаниях приходится на

2015–2016 гг. В случае обновления статуса внутри элиты происходило замещение одной элитной позиции на другую на основе горизонтального перемещения индивидов. Более интенсивные процессы ротации и обновления происходили в руководстве государственных компаний, нежели в экономических структурах, находящихся в частной собственности. Наиболее серьезной трансформации после 2014 г. в части структуры владения подверглись компании пищевой и торговой отраслей, связи и энергетики, когда происходило замещение одних владельцев на других.

В целом же процесс трансформации собственности и экономической элиты, начавшийся в Крыму в 2014 г., носит незавершенный характер. Крымская элита сейчас находится на таком этапе институционализации, когда прежние социальные устои и нормы ослаблены, а новые не сформированы, что находит проявление в лихорадочной замене одних персон другими. При этом региональная бизнес-среда выталкивает из своего круга «чужаков», готовых в него войти, но не имеющих социальных ресурсов для адаптации, функционирования и удержания властных позиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Быстрова А.С. Тенденции формирования российской элиты Севастополя: пять лет после присоединения к Российской Федерации // *Власть и элиты*. 2019. Т. 6. № 1. С. 139–168.
- Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // *Политические исследования*. 2004. № 2. С. 6–19.
- Дятлов А.В., Ковалев В.В. Трансформация института сити-менеджмента в муниципальном управлении юга России // *Социологические исследования*. 2021. № 3. С. 66–77.
- Зоткин А.А. Пятилетие «Крымской весны» и проблемы интеграции Крыма в политическую систему России // *Власть и элиты*. 2019. Т. 6. № 2. С. 5–23.
- Зоткин А.А. Роль региональных элит и столичного истеблишмента в формировании властной элиты Украины // *Социология: теория, методы, маркетинг*. 2004. № 3. С. 96–108.
- Колесник Н.В. Финансовая элита в российской провинции // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2000. Т. 3. № 1. С. 102–120.
- Колесник Н.В., Тев Д.Б., Невский А.В. Экономическая элита в российском регионе: методический опыт определения выборочной совокупности // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2008. № 1. С. 71–91.
- Крыштановская О.В. Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // *Мир России*. 2002. № 4. С. 3–60.
- Матков А.Н. Эволюция партийного государства в ФРГ (1990–1998 гг.) // *Преподаватель XXI век*. 2011. № 3. С. 267–270.
- Тев Д.Б. Бизнес как источник рекрутирования федеральной административной и политической элиты России // *Власть и элиты*. 2018. Т. 5. № 1. С. 54–86.
- Туровский Р.Ф. Власть и бизнес в регионах России: современные процессы обновления региональных элит // *Региональная элита в современной России / Под ред. Я.Ш. Фрухтманна*. М.: Либеральная миссия, 2005.
- Хоффман-Ланге У. Элиты и демократизация: германский опыт // *Социологические исследования*. 1996. № 4. С. 50–57.
- Цыплакова Е.П. Особенности украинской и российской политической элиты // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2009. № 97. С. 338–345.
- Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Крупный бизнес и власть в малом российском городе: должник, благодетель, партнер? // *Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. № 19*. М., 2021. С. 302–328.
- Шульга Н. Этапы становления политической элиты в Украине в годы независимости // *Социология: теория, методы, маркетинг*. 2006. № 4. С. 24–37.
- Barro R., Gordon D. Rules, discretion and reputation in model of monetary policy // *Journal of Monetary Economics*. 1983. Vol. 12. № 1 (July). P. 101–121.
- Gulbrandsen T. Ideological Integration and Variation within the Private Business Elite in Norway // *European Sociological Review*. 2005. № 21(4). P. 329–344.
- Hartmann M. Class-specific habitus and the social reproduction of the business elite in Germany and France // *The Sociological Review*. 2000. Vol. 48. No. 2. P. 246–247.
- Hoffmann-Lange U. Methodological Developments in Elite Research // *Panel on Changing Modalities of Elite Behaviour and Belief*. Fukuoka, 2006.

- Kang D. Crony Capitalism. Corruption and Development in South Korea and Philippines. New York: Cambridge University Press, 2002.
- Kryshchanovskaya O., White S. Putin's Militocracy // *Post-Soviet Affairs*. 2003. Vol. 19. No. 4. P. 289–306.
- Larsen A.G. Elites in Denmark. Identifying the elite. University of Copenhagen, 2015.
- Ruostetsaari I. Nordic Elites in Comparative Perspective // *Comparative Sociology*. 2007. No. 6. P. 158–189.
- Semenova E. Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009 // *Comparative Sociology*. 2011. No. 10 (6). P. 908–927.
- Tornell A. Economic Crisis and Reform in Mexico // Haber S. (ed.). *Crony Capitalism and Economic Growth in Latin America: Theory and Evidence*. Stanford, California: Hoover Institution Press, 2002. P. 127–150.
- Useem M. Corporations and the Corporate Elite // *Annual Review of Sociology*. 1980. Vol. 6. P. 41–77.
- Useem M. The Social Organisation of the American Business Elite and Participation of Corporation Directors in the Governance of American Institutions // *American Sociological Review*. 1979. No. 4. P. 553–572.

Статья поступила: 30.05.23. Финальная версия: 17.07.23. Принята к публикации: 09.08.23.

ECONOMIC ELITE OF CRIMEA AFTER 2014

KOLESNIK N.V.

Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

Natalya V. KOLESNIK, *Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia* (n.kolesnik@socinst.ru).

Abstract. The functioning of the regional elite of new Russian territories is analyzed on the example of Crimea after 2014. The focus of the study is a biographical analysis of the characteristics of 124 leaders of large economic structures of Crimea and 150 deputies of the Crimean parliament of two convocations. The analysis of the data showed that the economic segment of the Crimean elite after integration into the Russian Federation was partially updated. The study revealed that among the owners of economic assets, the management of SUEs, there are more dynamic updates than in other segments of the economic elite. At the same time, if there is recruitment to top positions in Crimean companies, the most often on closed grounds, when there is a transfer from one managerial position to another in the form of maintaining an elite position after 2014. The peak of new appointments/elections to high economic positions in regional companies falls on 2015–2016, when Crimea was integrated into the Russian Federation. An analysis of the forms of interaction between the economic and political elite showed that within the deputies of two convocations (2014 and 2019), representatives of the economic elite occupy more than half of the seats. This only strengthens the elite integration within the region and shows that business is an important part in the political career of deputies.

Keywords: crimean elite, transformation, economic and political elite.

REFERENCES

- Barro R., Gordon D. (1983) Rules, discretion and reputation in model of monetary policy. *Journal of Monetary Economics*. Vol. 12. No. 1 (July): 101–121.
- Bystrova A. Formation trends of the russian elite of Sevastopol: five years after joining the Russian Federation. *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Vol. 6. No. 1: 139–168. (In Russ.)
- Chirikova A.E., Ledyayev V.G. (2021) Big business and power in a small Russian city: debtor, benefactor, partner? In: *Russia in reform*. Iss. 19. Moscow: 302–328. (In Russ.)
- Dyatlov A.V., Kovalev V.V. (2021) Transformation of the City Management Institute in the Municipal Administration of the Russian South. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 66–77. (In Russ.)
- Gaman-Golutvina O.V. (2004) Regional elites of Russia: personal composition and evolution trends. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 2: 6–19. (In Russ.)
- Gulbrandsen T. (2005) Ideological Integration and Variation within the Private Business Elite in Norway. *European Sociological Review*. No. 21 (4): 329–344.
- Hartmann M. (2000) Class-specific habitus and the social reproduction of the business elite in Germany and France. *The Sociological Review*. Vol. 48. No. 2: 246–247.

- Hoffmann-Lange U. (1996) Elites and democratization: the German experience. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 50–57. (In Russ.)
- Hoffmann-Lange U. (2006) Methodological Developments in Elite Research. In: *Panel on Changing Modalities of Elite Behaviour and Belief*. Fukuoka.
- Kang D. (2002) *Crony Capitalism. Corruption and Development in South Korea and Philippines*. New York: Cambridge University Press.
- Kolesnik N.V. (2000) The financial elite in the Russian province. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 3. No. 1: 102–120. (In Russ.)
- Kolesnik N.V., Tev D.B., Nevsky A.V. (2008) Economic elite in the Russian region: methodological experience in determining the sample population. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 1: 71–91. (In Russ.)
- Kryshchanovskaya O. (2002) Business elite and oligarchs: results of the decade. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 4: 3–60. (In Russ.)
- Kryshchanovskaya O., White S. (2003) Putin's Militocracy. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 19. No. 4: 289–306.
- Larsen A.G. (2015) Elites in Denmark. Identifying the elite. University of Copenhagen.
- Matkov A.N. (2011) The evolution of the party state in Germany (1990–1998). *Prepodavatel XXI vek* [Lecturer XXI century]. No. 3: 267–270. (In Russ.)
- Ruostetsaari I. (2007) Nordic Elites in Comparative Perspective. *Comparative Sociology*. No. 6: 158–189.
- Semenova E. (2011) Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009. *Comparative Sociology*. No. 10 (6): 908–927.
- Shulga N. (2006) Stages of formation of the political elite in Ukraine during the years of independence. *Sociologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: theory, methods, marketing]. No. 4: 24–37. (In Russ.)
- Tev D.B. (2018) Business as a source of recruitment of the federal administrative and political elite of Russia. *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Vol. 5: 54–86. (In Russ.)
- Tornell A. (2002) Economic Crisis and Reform in Mexico. In: Haber S. (ed.). *Crony Capitalism and Economic Growth in Latin America: Theory and Evidence*. Stanford, California: Hoover Institution Press: 127–150.
- Tsyplakova E.P. (2009) Features of the Ukrainian and Russian political elite. *Izvestiya RGPU of A.I. Herzen* [Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. No. 97: 338–345. (In Russ.)
- Turovsky R.F. (2005) Power and business in the regions of Russia: modern processes of renewal of regional elites. In: *The regional elite in modern Russia*. Ed. by J.S. Fruchtmann. Moscow: Liberalnaya missiya. (In Russ.)
- Useem M. (1979) The Social Organisation of the American Business Elite and Participation of Corporation Directors in the Governance of American Institutions. *American Sociological Review*. No. 4: 553–572.
- Useem M. (1980) Corporations and the Corporate Elite. *Annual Review of Sociology*. Vol. 6: 41–77.
- Zotkin A. (2004) The role of regional elites and the capital's establishment in the formation of the power elite of Ukraine. *Sociologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: theory, methods, marketing]. No. 3: 96–108. (In Russ.)
- Zotkin A. (2019) The 5th anniversary of the "Crimean spring" and the problems of integration of Crimea into the political system of Russia. *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Vol. 6. No. 2: 5–23. (In Russ.)

Received: 30.05.23. Final version: 17.07.23. Accepted: 09.08.23.